

Культура. — 1993. — 24 июля. — С. 9

«БУКЕТ» НАРЦИССОВ

Когда-то Касьян Голейзовский поставил для Владимира Васильева хореографическую миниатюру «Нарцисс». В этом сочинении миф о юноше, влюбившемся в свое отражение, получил неожиданное воплощение. Нарцисс Васильева, увидев себя в водном потоке, приходил в экстаз, ликовав от радости постижения неведомой красоты, весь дрожал от силы первозданных ощущений, от потрясения открывшимся ему чудом. Его гибель была таинством слияния с природой, восторженного растворения в ней.

Потом Васильев передал этот хореографический опус талантливому танцовщику Владимиру Малахову. Это был уже совсем другой Нарцисс. Он вглядывался в зеркальную гладь воды пристально, изучающе, как вглядывается танцовщик в зеркало балетного класса. Нарцисс Малахова и был танцовщиком, не отрывающим испытующего взора от своего отражения, погруженным в себя и наблюдающим каждое свое движение. Естественно, что он был сдержан, даже холоден в своем пластическом эгоцентризме, в гордом и почти мучительном самосозерцании.

Малахов стал средним «звеном» в «цепочке» Нарциссов, ибо великий артист «подарил» свой знаменитый номер еще одному молодому танцовщику — Геннадию Янину, станцевавшему его на одном из вечеров фестиваля в честь Васильева.

Впервые я заметил Янина в балете «Ромео и Джульетта», поставленном Васильевым. В партии Меркуцио танцовщик обнаружил легкость и живость, поразил редким баллоном и элевацией. В канкане, промчавшемся на «Балетной вечеринке» в Театре оперетты, Янин ошеломил шальным вихрем пируэтов, летучих жете, вызывающе высоких батманов. Это был веселый танцевальный шквал, воплощение куража, отчаянной шалости. Артист вылетал на сцену, как пробка из бутылки шампанского, пронеслся, как неудержимо хлещущая струя «золотого аи», и исчезал, оставляя за собой след радостного возбуждения. А на первом вечере «васильевского» фестиваля Янин танцевал дуэт на музыку Торелли — танцевал с грациозной чопорностью и изящной корректностью, как того и требовал менуэтный стиль номера.

И, наконец, Нарцисс, наш «третий» Нарцисс. Совсем непохожий на первого и второго. Янин напоминает юношу Бенвенуто Челлини, почти подростка. Увидев свое отражение, он затевает с ним лукавую игру, полную любовного любопытства. Он прыгает и скачет, как козленок, становится похожим на маленького фавна, «сатиренка». Кажется, что он танцует и воду, в которую смотрится, — его вращения напоминают воронки быстрых водоворотов, а в финале гибкое тело изображает колеблющееся, дрожащее, словно дробящееся на солнце отражение.

Геннадий Янин обладает и техникой, и талантом, но ему нужен свой, оригинальный репертуар. Будет жаль, если невысокий рост оставит его на второстепенных ролях, если хореографы пройдут «мимо». Ведь даже такой исключительный танцовщик, как Н. Зубковский, не нашел полного применения своим силам.

Давным-давно Михаил Фокин поставил «Нарцисса» для Вацлава Нижинского. Касьян Голейзовский воссоздал его для Владимира Васильева, и получилось так, что не только для него. Связь времен не прерывается...

Б. ЛЬВОВ-АНОХИН.

Владимир ВАСИЛЬЕВ

Владимир МАЛАХОВ

Геннадий ЯНИН